

«ЭКОНОМИСТ»

ИЗБРАННОЕ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»

МОСКВА 2008

ББК 63.3

М15

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

В. Л. Глазычев, Г. М. Дерлугьян, Л. Г. Ионин,

А. Ф. Филиппов, Р. З. Хестанов

ТЕКСТ ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ИЗДАНИЮ:

WILLIAM H. MCNEILL. The Pursuit of Power. Technology, Armed Force and Society since A.D. 1000. The University of Chicago Press, 1982

«ЭКОНОМИСТ»

Э15 Избранное. 1921–1922 – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008.
(Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 456 с.

ISBN 5-91129-020-0

© William H. McNeill, 1982

© Издательский дом

«Территория будущего», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

А. И. Черных. Между теорией и доктриной:

экономика перед судом политики	7
1.	7
2.	13
3.	22
4.	29
5.	38
6.	45
7.	49

От составителей. Принципы отбора статей	53
---	----

От редакции	57
-----------------------	----

П. Чубутский. Предпосылки реальной экономической

политики	59
1.	59
2.	62
3.	62
4.	66
5.	67

П. А. Сорокин. Влияние войны на состав населения,

его свойства и общественную организацию	71
1. Влияние войны на состав населения	71
2. Влияние войны на свойства населения	100
3. Влияние войны на общественную организацию	102

<i>В. М. Штейн.</i> Нищета и роскошь	108
--	-----

П. А. Сорокин. Влияние голода на социально-экономическую орга-

низацию общества	122
1.	122
2. Проверка первой теоремы	128
3. Проверка второй теоремы	141

<i>Г. Ф. Чиркин.</i> Колонизация в народном хозяйстве России	160
1.	160
2.	165
3.	170
4.	178
<i>А. Л. Рафалович.</i> Новая экономическая политика	188
2.	196
3.	207
<i>И. М. Кулишер.</i> Наше обложение в период 1914–1917 гг.	212
Первый период. Вторая половина 1914, 1915 и 1916 гг.	212
Второй период 1917 г.	229
<i>И. Х. Озеров.</i> О регулировании денежного обращения	244
<i>П. А. Сорокин.</i> Голод и идеология общества	267
Первая теорема	270
Вторая теорема	270
Третья теорема	270
Четвертая теорема	271
Проверка первой теоремы	272
Проверка второй теоремы	279
Проверка третьей теоремы	291
<i>В. Н. Твердохлебов.</i> Податные реформы и финансовая унитаризация Германии	304
<i>А. Н. Венцель.</i> Значение Китайской Восточной железной дороги в дальневосточном вопросе	324
<i>И. Х. Озеров.</i> Сельскохозяйственная колонизация и средства для нее	353
Биобиблиографические сведения	361
Редакционная коллегия	361
Авторы публикуемых статей	365

МЕЖДУ ТЕОРИЕЙ И ДОКТРИНОЙ: ЭКОНОМИКА ПЕРЕД СУДОМ ПОЛИТИКИ

Предлагаемые вашему вниманию, дорогой читатель, отрывки из журнала «Экономист», увидевшего свет всего в 4 книжках (№ 4–5 составили один том) и выходившего в Петрограде в течение менее года — с декабря 1921 по июнь 1922, — преследуют несколько целей. Первая — продемонстрировать уровень отечественной экономической мысли начала XX в., прочитав работы, посвященные острейшим проблемам социального и хозяйственного послереволюционного развития России; вторая — показать складывание доктрины «национал»-большевизма, противостоящей логике научного исследования и даже отрицающей ее; третья — поразмышлять об особенностях реформационных процессов в России, обладающих очевидным «средством» и даже общим алгоритмом осуществления; и, наконец, попытаться, используя ставшие доступными сравнительно недавно архивные материалы, почувствовать атмосферу тех грозных и «страшных лет России». Строго говоря, все эти темы укладываются в более широкую, которую можно определить как «Наука и власть» или «Ученые и власть», особенно власть в условиях диктатуры, каковая установилась в России после октября 1917 г., просуществовав более 70 лет.

Я попытаюсь показать как социально-политический фон событий, отраженных в статьях авторов «Экономиста», так и сюжеты, возникавшие вокруг него в ходе его недолгого существования.

1.

Поставленная большевиками задача модернизации страны была невозможна без использования значительного научного потенциала, существовавшего в России до революции. Однако вульгарно узкоклассовый подход большевиков к явлениям общественной жизни, пренебрежительное отношение к людям, не занятым физическим («производительным») трудом, привел к разгулу охлократических настроений в обществе. В марте 1918 г. президент Российской акаде-

мии наук А. П. Карпинский писал наркому просвещения А. В. Луначарскому: «Глубоко ложное понимание труда квалифицированного как труда привилегированного, антидемократического... легло тяжелой гранью между массами и работниками мысли и науки»¹.

Власть же на первых порах вела себя весьма агрессивно, стремясь сломить моральный дух представителей русской науки, большинство из которых враждебно встретили Октябрьскую революцию, видя в ней подавление молодой российской демократии и узурпацию большевиками власти, что вело к гибели и разрушению России. Эти настроения, еще более окрепшие после разгона Учредительного собрания, вылились в «стачку интеллигенции», которая, по свидетельству чекиста Я. Х. Петерса, была «самым больным в этот период явлением для советской власти», поскольку грозила остановкой еще работавших предприятий, транспорта, связи и т. п.

Отношение власти к интеллигенции было весьма прагматическим — использовать ее! Но эта вынужденная зависимость от знаний других людей оказывалась мучительной, окрашивалась классовой ненавистью к «пособникам буржуазии» и «лакеям капитала», как называл «гнилых интеллигентиков», «мнящих себя мозгом нации», Ленин. Он, сам принадлежавший к этим людям, не нашел для них другого слова, чем «г.. но»². Назначенный с осени 1920 г. начальником Главархива историк М. Н. Покровский, бывший одним из видных чиновников Наркомпроса, имел собственный взгляд на проблему старых специалистов, считая, что «ни им пальца в рот класть не следует, ни самим перед ними с разинутым ртом стоять нельзя. А дверь ЧК перед ними всегда должна быть гостеприимно открыта»³. И подобное отношение наблюдалось повсеместно.

Честь науки и ее представителей была унижена. Так, из бывшего Министерства торговли и промышленности были выброшены на свалку миллион с лишним карточек, на которых подробнейшим образом были зафиксированы хозяйственные связи предприятий европейской России, под предлогом того, что «нам буржуазная статистика не нужна!», как гордо заявил один из помощников Г. Зиновьева. Были ликвидированы даже целые области знания — так, во всех учебных заведениях страны закрыты юридические факультеты, как «рассадники буржуазного права», отменена одна из важнейших составля-

¹ Документы по истории Академии наук СССР. 1917–1925. — Л., 1986. С. 38–39.

² Ленин. В. И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 48.

³ Покровский М. Н. Наши спецы в их собственном изображении // Красная новь. 1928. № 1 (5). С. 154.

ющих традиционной научной жизни — процедура защиты и получения степеней и званий (в 1918 г.), так же как и сами степени и звания, с целью открыть доступ в науку идеологически выдержанным кадрам, прежде всего выходящим из рабочего класса.

Именно эту цель — вытеснения из интеллектуальной сферы «бывших», то есть «старой» профессуры — преследовала и политика «овладения» новой властью системой высшего образования в стране, начавшаяся уже в 1918 г., когда Наркомпрос поэтапно проводит реформу высшей школы, в ходе которой вузовская система постепенно подпадает под власть партаппарата. При ЦК РКП (б), обкомах и губкомах создается специальный институт партийных организаторов, в функции которых входила организация партячеек в вузах с целью завоевать доверие студенческой молодежи, воспитывать добросовестное отношение к учебе и организовать сеть политического просвещения. Меры по дальнейшему усилению государственно-партийного руководства высшей школой и ее пролетаризации определило принятое в 1921 г. положение «О высших учебных заведениях РСФСР», которым предписывалось принимать в вузы всех детей рабочих и крестьян, имеющих направления партийных, комсомольских и профсоюзных организаций. В итоге происходило, с одной стороны, отторжение детей из семей старой интеллигенции от высшего образования, то есть дискриминация по признаку социального происхождения, а с другой — «орбочивание» и «окрестьянивание» интеллигенции. Тем самым нарушалась преемственность развития отечественной культуры путем размывания сущностных и ценностных основ существования интеллигенции как носителя и хранителя высших образцов культурного наследия. Однако этот процесс шел отнюдь не так быстро, как хотелось бы большевикам прежде всего из-за практически полного отсутствия преподавательских кадров, преданных новому режиму. В марте 1922 г., то есть уже в период нэпа, Ленин с гневом писал: «Почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу»⁴.

Воцарившийся в стране «культ мозолистых рук» сопровождался обысками, реквизициями, бессмысленными расправами. Особенно большие персональные потери в период военного коммунизма понесла отечественная гуманитарная наука. Список умерших от недоедания, плохой медицинской помощи, самоубийств, арестов, за-

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 52.

ключений в тюрьму, последующей высылки и эмиграции был более чем впечатляющим. В 1918–1923 гг. побывали под арестом академики С. Ф. Ольденбург, А. И. Соболевский, А. А. Белопольский, В. И. Вернадский, И. Ю. Крачковский, почетный академик Н. С. Таганцев, члены-корреспонденты А. А. Кизеветтер, Н. К. Кольцов, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, А. А. Дмитриевский; расстреляны почетный академик великий князь Николай Михайлович (историк) и член-корреспондент Т. Д. Флоринский (славист). В 1918–1920 гг. скончались от голода и болезней члены Академии: В. В. Радлов, Я. И. Смирнов, А. С. Лаппо-Данилевский, Е. С. Федоров, Б. А. Тураев, А. А. Шахматов, И. С. Пальмов.

Пренебрежение к знанию и его носителям особенно отчетливо проявлялось в первый период революции – в эпоху военного коммунизма, когда основой жизнеобеспечения стало классово дифференцированное снабжение населения продуктами питания, впервые введенное в Петрограде с 1 июля 1918 г. Все взрослое население города было разделено на 4 категории: 1) рабочие, занятые тяжелым физическим трудом; 2) рабочие, занятые легким физическим трудом, и служащие по найму; 3) лица интеллигентных и свободных профессий и 4) лица, не занятые трудом (промышленники, торговцы, домовладельцы и т. п.). В зависимости от категории продукты должны были выдаваться в пропорции 8: 4: 2: 1. В первую очередь продукты выдавались по карточкам первой и второй категориям, затем третьей; «отоваривание» карточек четвертой категории осуществлялось «в пределах возможности» после удовлетворения потребностей первых трех категорий. Показателен размер выдач хлеба в октябре 1918 г. в Петрограде: за месяц на человека по карточке первой категории было выдано 4,55 кг, второй категории – 1,95 кг, третьей категории – 1,07 кг и четвертой категории – 0,61 кг, то есть 600 граммов хлеба в месяц⁵.

Уже 27 июля того же года Коллегия народного комиссариата по продовольствию признала необходимым ввести классовый паек во всех городах страны. С 1 сентября классовый паек вводится и в Москве, где также вводится 4 категории снабжаемых продуктами, но распределение было несколько иным: 1) работающие на особо тяжелых физически производствах; 2) занятые тяжелым физическим трудом; 3) рабочие легких производств, служащие и лица свободных профессий; 4) лица, имеющие нетрудовые доходы. Выдача продуктов осуществлялась в пропорции 4: 3: 2: 1. Подобное московскому делению на группы и соответствующее им снабжение было введено и в других, главным образом губернских, городах. Осенью 1918 г. петроград-

⁵ Этапы экономической политики СССР. – М., 1934. С. 98.

ская и московская продовольственные организации разработали новую, трехступенчатую систему обеспечения пайками, которая после утверждения Наркомпродом получила всеобщее распространение.

В период военного коммунизма жизнь или смерть буквально зависела от того, к какой категории — рабочим, служащим или нетрудовым элементам — отнесен человек, поскольку продукты выдавались в соотношении 4: 2: 1⁶, а последней категории к тому же доставалось то, что останется. Так, в 1918 г. профессора рассматривались как «полупаразитическая прослойка», а потому они получали карточки второй категории, которые едва позволяли не умереть с голода. Вот что представлял собой месячный академический паек: 40 фунтов черного хлеба, 4 фунта растительного масла или жира, 15 фунтов селедки, вместо которой изредка давали мясо, 12 фунтов крупы, 6 фунтов гороха или фасоли, 2,5 фунта сахара, четверть фунта чая и 2 фунта соли. По свидетельству П. Сорокина, самым ценным подарком в 1919 г. в Петрограде были дрова на растопку: «такова была жизнь в „Российской Совершенно Фантастической Советской Республике“, как мы называли РСФСР»⁷.

Особенно тяжелым для Петроградского университета, как и для всех жителей города, был 1919 г. Профессора университета из-за голода жаловались на провалы памяти, нервные срывы. И список умерших в этом году был особенно длинным. Ректор В. М. Шимкевич приветствовал живых так: «Господа! Прошу вас не умирать так поспешно. Умирая, вы получаете выгоду только для себя, а сколько проблем и трудностей оставляете другим! Вы же знаете, как сложно достать лошадей для погребальной процессии, сколько трудов надо затратить для получения гроба... Пожалуйста, обсудите этот вопрос с коллегами и попытайтесь жить долго, как только сможете»⁸.

Опасность физической гибели специалистов побудила власти принять срочные меры. 23 декабря 1919 г. принимается Декрет СНК «Об улучшении положения научных работников»⁹, согласно которому научные работники подразделялись на 5 категорий, причем для получения любой из них требовалось *доказать (sic!)* нужность данной специальности республике. И хотя льготы ученым предоставлялись не слишком значительные: усиленное, насколько это было возможно

⁶ Вишневецкий Н. Принципы и методы организованного распределения продуктов продовольствия и предметов первой необходимости. — М., 1920. С. 26–37.

⁷ Сорокин Питирум. Дальняя дорога. Автобиография. — М., 1992. С. 127, 130.

⁸ Цит. по: Сорокин П. А. 1992. С. 132.

⁹ Декреты Советской власти. Часть II. — М., 1957. С. 13.

в то время, питание, сохранение за учеными их квартир, освобождение от трудовой и воинской повинностей, однако специальным пунктом Совнаркому предписывалось не публиковать этот декрет, чтобы не возбуждать массы.

В этот период все силы ученых были обращены преимущественно на решение проблем физического выживания себя и своей семьи, хотя и в эти годы научные дискуссии, несмотря на практически замершую традиционную жизнь науки (так, с середины 1918 г. практически исчезла такая составляющая нормально функционирующей науки, как специальные профессиональные журналы), продолжались, приобретая (вынужденно) по преимуществу приватный характер. Естественно, что основной темой этих дискуссий была судьба России, и особенно остро эта проблема дискутировалась в кругу ученых-гуманитариев, в том числе и экономистов. В этом, пожалуй, проявилось возрождение типичных для русской интеллигенции идей «служения народу».

Вот как описывает научные дискуссии, на которые собирались выжившие ученые, один из членов редколлегии «Экономиста» и его постоянный автор Б. Д. Бруцкус.

К концу 1920 года, когда победа на фронтах стала явно клониться в сторону революции, в Петрограде гнет большевистского режима стал чуть-чуть слабеть. Интеллигенция стала вылезать из своих берлог, она получила возможность кое-где собираться и говорить, хотя бы промеж себя.

Был сырой дождливый вечер в конце августа 1920 года, когда я в собрании изможденных и истомленных петроградских ученых выступил с докладом «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе», под этим заглавием я скрыл свою теоретическую критику системы научного социализма. Коммунизм был тогда в упоении своих побед. Советская власть заканчивала успешно свою борьбу с Врангелем и обещала теперь, когда у нее руки развязаны, быстро справиться со всеми затруднениями на экономическом фронте. Так нас, ученых, уверяли ее клеветы... и даже не коммунисты. И вот я в своем докладе в момент величайшего торжества коммунистических настроений позволил себе утверждать, что экономическая проблема марксистского социализма неразрешима, что гибель нашего социализма неизбежна, и даже намечал некоторые переходные шаги для поворота к капиталистическому строю, которые впоследствии были отчасти осуществлены при нэпе. Два с половиной часа меня слушали с напряженным вниманием петроградские ученые, и из завязавшейся после моего доклада беседы я вынес впечатление, что мне удалось связать в систему те идеи, которые бродили в умах многих как осадок страшно-

го опыта минувших лет. Мой доклад возбудил внимание. Мне пришлось повторять его в закрытых собраниях шесть раз в Петрограде и один раз в Москве. На моих докладах присутствовали и коммунисты. Мои доклады вызвали контрдоклады со стороны меньшевиков, которых моя критика особенно задела; эти контрдоклады не поколебали моих убеждений. Предусмотренное мною крушение русского социализма скоро наступило. Он пошел в отступление, начался нэп¹⁰.

2.

Не вдаваясь в специальные дискуссии о сути нэпа, можно с уверенностью констатировать одно: история советской России начала 20-х годов — цепь импровизаций и мучительных блужданий в поисках выхода из политических, экономических и идеологических противоречий, порожденных избранной большевиками стратегией. В ее основе лежала непреодолимая трудность — сопротивление и давление реальности: программа партии, принятая в 1919 г. и превращавшая ее (партию) в государственную, означала превращение партийного документа в программу, государственную доктрину, реализация которой, как выяснилось, в этих условиях невозможна и ведет к гибели самого государства. Думающим людям было ясно, что следование доктрине, обеспечившей победу, то есть завоевание власти, не в силах не просто обеспечить новый подъем, но ставит под угрозу вообще существование страны. Иными словами, высшее руководство страны, жестко следуя доктрине, попало в ее ловушку. Именно попыткой вернуться к реальности, вырваться из пут доктрины и стало объявление нэпа, который породил новые трудности и проблемы в силу его крайней двусмысленности, описываемой словами «шаг вперед, два шага назад».

Основным содержанием большевистской доктрины были два основных элемента — мировая революция и быстрое движение к коммунистической экономике, оба из которых сыграли свою роль в обеспечении относительной устойчивости Советской власти, обеспечивая единство внутри партии. После «победоносного шествия советской власти» в России была создана всеобъемлющая система государственного социализма: была *упразднена частная собственность* на средства производства и на землю, *огосударвлены* промышленные предприятия и банки, введена *государственная монополия* на внешнюю торгов-

¹⁰ Бруцкус Б. Д. Предисловие // Б. Д. Бруцкус. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. — Берлин, 1923. С. 4.

лю. Основным принципом организации экономики (как государства и партии) стал «демократический централизм», что означало непреложность решений партийного и государственного руководства для всех нижестоящих уровней управления. Поистине манифестом этой тоталитарной государственной экономики стала книга Николая Бухарина «Экономика переходного периода», входившая в которую глава о внеэкономическом принуждении, высоко оцененная Лениным, включала следующий тезис: «Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является... методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи»¹¹.

Представляется небесполезным проиллюстрировать эти принципиальные положения некоторыми примерами реализации доктринальных положений большевиков, осуществление которых было облегчено экономическими особенностями организации хозяйственной жизни в воюющих странах.

Хозяйство России периода Первой мировой войны, как и всех остальных воюющих стран, определялось большевиками как военно-монополистический государственный капитализм, работающий на оборону, то есть «вовсе не на рынок, а по заказу казны» [Ленин. Т. 32, 319]. В основе экономики воюющих стран лежали так называемые мобилизационные планы, означающие государственное регулирование хозяйственной жизни страны, что значительно увеличивает экономический и военный потенциал, причем особое значение — наряду с сырьевыми ресурсами — приобретает определение реальной потребности в рабочей силе. Именно с этого времени получают широкое распространение мероприятия по регулированию трудовых ресурсов, в широких масштабах начатые в Германии и во Франции. С целью увеличения числа работающих в гигантски растущей военной промышленности в Германии впервые вводится трудовая повинность, к которой, хотя и в более ограниченных масштабах, прибегают и другие страны. Путем перераспределения трудовых ресурсов и изменения условий труда — удлинения рабочего дня, сокращения реальной заработной платы, широкого вовлечения в производство «солдат тыла» — женщин и детей, — трудовая повинность обеспечивала максимально благоприятные для ведения войны условия хозяйственной жизни.

Политика принудительного привлечения к труду рабочей силы становится основой экономики военного коммунизма, причем про-

¹¹ Цит. по: Ленинский сборник. XL. С. 424.

цесс этот осуществлялся постепенно. Юридическим обоснованием его стали Кодекс законов о труде и Конституция, принятые в 1918 г., в которых и зафиксирован принцип всеобщей трудовой повинности. Трудовая повинность была законодательно оформлена еще в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой в январе 1918 г., где говорилось: «В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность». В Общих положениях Конституции Российской Федеративной Советской республики, принятых на съезде Советов в мае 1918 г., труд был признан обязанностью всех граждан. Первым шагом к проведению его в жизнь стал Декрет Совнаркома от 3 сентября 1918 г., запрещавший зарегистрированным безработным отказываться от предложенной биржей труда работы. Положением об Отделах распределения рабочей силы от 1 ноября 1918 г., дополненным актом от 3 мая 1919 г., метод добровольного привлечения рабочей силы к труду был окончательно заменен методом принудительным, получившим свое окончательное оформление в создании согласно Декрету СНК от 29 мая 1920 г. Главного комитета по всеобщей трудовой повинности.

В январе 1920 г. вводится военно-трудовая повинность, в рамках которой мобилизуются все рабочие и специалисты железнодорожного и водного транспорта, горнорабочие-забойщики, металлисты, текстильщики и т. д., вплоть до медиков и юристов. Тогда же женщины в возрасте от 16 до 45 лет мобилизуются в порядке трудовой повинности на пошив белья для армии. В 38 губерниях объявлен сбор шишечного топлива, к которому на тех же основаниях привлекались несовершеннолетние от 13 до 18 лет и старики.

IX съезд партии (29 марта — 4 апреля 1920 г.) признал необходимым введение трудовой повинности, трудовых мобилизаций и милитаризации труда. Это было фиксацией уже сложившегося положения, поскольку в феврале из воинских частей, освободившихся от ведения боевых действий, были организованы три трудовые армии: на Урале, в Донском бассейне и в районе Петрограда.

Теоретическое обоснование введения трудовой повинности четко сформулировал главный идеолог ее Л. Троцкий в докладе на III Всероссийском съезде профсоюзов (6–13 апреля 1920 г.): «Мы знаем труд рабский, мы знаем труд крепостной, мы знаем принудительный, регламентированный труд цехов в Средние века. Мы знаем труд вольнонаемный, который буржуазия называет свободным. Мы же противопоставляем этому труд общественно-нормированный на основе хозяйственного плана, обязательного для всего народа, то есть

принудительного для каждого работника страны. Без этого нельзя и думать о переходе к социализму... Других путей к социализму, кроме властного распределения хозяйственным центром всей рабочей силы страны, размещения этой силы соответственно потребностям общегосударственного хозяйственного плана, быть не может. Мы признали... право рабочего государства отправлять каждого рабочего и работницу на то место, где они нужны для выполнения хозяйственных задач. Тем самым мы признаем также право... рабочего государства карать рабочего и работницу, которые отказываются исполнять наряд государства, которые не подчиняют свою волю и волю рабочего класса его хозяйственным задачам. Вот где основа милитаризации труда... Милитаризация труда в том основном смысле, какой я указал, является неизбежным *основным* [выделено мною. — А. Ч.] методом организации рабочих сил, их принудительной группировкой в соответствии с потребностями строящегося социализма в переходную эпоху от царства капитала к коммунистическому государству»¹². Таким образом, трудовая повинность принимает логически законченную форму милитаризованного труда, который регламентируется приказом: ты идешь на такой-то завод (фабрику, больницу) и работаешь там до тех пор, пока это нужно.

К началу 1921 г. в восьми трудовых армиях числились 280 тыс. человек. Сибирская трудармия занималась добычей каменного угля, лесозаготовками, погрузкой, постройкой Кольчугинской и Кокчетавской железных дорог; Кавказская — постройкой железных дорог и работами на нефтяных промыслах в Грозном; Украинская и Донецкая — добычей угля и т. п. Существовала лишь одна, но решающая проблема — производительность труда, которая в трудармиях была столь низка, что обычно они распускались уже через несколько месяцев работы. Троцкий предвидел эту опасность: «Говорят, что принудительный труд непроизводителен. Если это верно, то все социалистическое общество обречено на слом... Если наша новая организация труда приведет к понижению производительности, то тем самым мы фатально идем к гибели, к падению, как бы мы ни изворачивались, как бы ни напрягались»¹³.

Тем не менее в течение 1919, 1920 и первой половины 1921 г., то есть весь период военного коммунизма, Советское государство использовало исключительно трудовую повинность. В целях более точного учета трудовых ресурсов 28 августа 1920 г. проводится Всероссийская

¹² Троцкий Л. Сочинения. Т. XV. — М. —Л., 1927. С. 180–182.

¹³ Там же. С. 181–182.

демографически-профессиональная перепись населения, в вопросник которой наряду с перечнем 55 главных неземледельческих профессий вошли и данные о не занятом в общественном производстве на момент переписи контингенте.

Ситуация на рынке труда в эпоху военного коммунизма характеризуется следующими особенностями: во-первых, нехваткой квалифицированных рабочих при наличии большой резервной армии труда; во-вторых, нищенской заработной платой, не обеспечивающей прожиточного минимума, что приводило, с одной стороны, к потере мотивации к труду, а с другой – к катастрофическому падению производительности труда; соединение этих обстоятельств и вызвало к жизни экономический парадокс – превышение спроса на рабочую силу над предложением ее при сохранении значительной армии безработных. Выходом из сложившейся ситуации стало введение всеобщей трудовой повинности, фактически насильственной мобилизации на трудовой фронт, когда государство осуществляло централизованное распределение трудовых ресурсов путем монополизации этого распределения.

Эта политика была естественным следствием сложившейся к началу 20-х годов социально-экономической модели военного коммунизма, возникшей как под давлением неумолимых обстоятельств – разрухи и дезорганизации общественной жизни, с одной стороны, так и в результате теоретических спекуляций под воздействием теоретических идей марксизма об организации социалистического производства. В качестве политического принципа, выразившегося в лозунге: «Кто не работает – тот не ест», здесь выступало обязательное привлечение к труду. В качестве внеэкономического средства в условиях монополизации на распределение трудовых ресурсов использовалась всеобщая трудовая повинность, оценивавшаяся некоторыми большевиками, в частности А. М. Коллонтай, как «величайший акт революции». Экономическим средством принуждения к труду выступало натуральное распределение продуктов первой необходимости, прежде всего еды, или коллективное потребление: так, в 1919–1920 гг. около 90% населения Петрограда числилось на общественном питании, в Москве свыше 60% населения было приписано к столовым¹⁴.

Идея отказа от оплаты труда, столь популярная в период военного коммунизма, базировалась на теоретически-утопических представлениях большевиков о коммунизме, сутью которого является «безвозмездная работа на общественную пользу, не учитывающая индивиду-

¹⁴ Коллонтай А. М. Положение женщины в эволюции хозяйства. М., 1922. С. 142

альных различий, стирающая... разницу между отдельными отраслями работы в размере платы и вообще принципа распределения всех продуктов». И далее тот же автор пишет: «Коммунизмом мы называем такой порядок, когда люди привыкают к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, когда всеобщая работа на общую пользу становится всеобщим явлением»¹⁵. Один из партийных теоретиков Д. Б. Рязанов утверждал, что коммунисты ставят себе целью «уничтожение заработной платы как формы оплаты труда, свойственной капиталистическому строю», под лозунгом: «равномерное вознаграждение, уничтожение всех различий, которые были между чернорабочим и квалифицированным трудом»¹⁶.

Следуя утопическим принципам, заработная плата после революции стала быстро эволюционировать в сторону полного уравнивания. Три основных обстоятельства имели решающее значение: во-первых, идеологический момент, связанный с прокламированием правящей партией принципа равенства; во-вторых, социально-политический момент, отразивший интересы молодых рабочих-коммунистов, которые в силу недостаточной квалификации не могли претендовать на высокие тарифные ставки, но, обладая политическим влиянием, всячески препятствовали квалифицированным в большинстве своем пожилым рабочим и нечленам партии получать достойное вознаграждение за свой труд. Однако решающим стало третье объективное обстоятельство — разруха, охватившая все области хозяйственной жизни и повлекшая за собой «выравнивание заработков всех категорий трудящихся на уровне голодного минимума наименее обученных рабочих»¹⁷.

Принцип уравнительности в оплате труда, с особой настойчивостью проводившийся в жизнь в 1918–1920 гг., особенно тяжело отразился на инженерно-техническом персонале, чье положение на производстве часто осложнялось негативным отношением рабочих. По свидетельству С. Струмилина, «в денежной части инженеру высшего тарифного разряда была обеспечена учетверенная ставка по сравнению со сторожем или уборщицей низшего разряда. Но пайки распределялись по особому классовому принципу, причем рабочие получали более крупный паек [*более чем в 2 раза. — А. Ч.*], чем служащие. И в результате дело доходило до таких курьезов, что совокуп-

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 360, 380.

¹⁶ Труды II съезда Советов народного хозяйства 19–27 декабря 1918 г. — М., 1919. С. 172.

¹⁷ Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности за 1913–1922 гг. — М., 1923. С. 43

ный легальный заработок пайком и деньгами инженера 35-го разряда (наивысшего) был ниже заработка наименее квалифицированного чернорабочего или сторожа 1-го разряда»¹⁸. Нетрудно себе представить последствия подобной оплаты труда специалистов и степень их заинтересованности в успехах производства.

Если в 1913 г. оплата высших промышленных служащих превышала заработок среднего рабочего почти в 4 раза, в 1917 г. — в 1,8 раза, то в период военного коммунизма их зарплаты сравнялись, а в некоторых случаях заработок рабочих превышал оплату труда инженеров и техников. Только к январю 1922 г., после введения нэпа, когда «уровнировка» в оплате труда была отвергнута не только принципиально, но и на практике, инженеры начали получать в 1,45 раза больше, чем рабочие¹⁹. Но столь же разрушительно «уровнировка» повлияла и на квалифицированных рабочих высшего 12-го разряда, динамика заработка которых в сравнении с оплатой труда чернорабочих выглядела так: август 1917 г. — 232 %, сентябрь 1918 г. — 130 %, сентябрь 1919 г. — 109 %, 1920 г. — 104 %²⁰. Социальные последствия не заставили себя долго ждать. А. Гастев на первом съезде Советов народного хозяйства заявлял: «По существу, мы сейчас имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский»²¹; в подтверждение этого «всенародного саботажа» он привел данные о количестве рабочих дней по стране в целом: если в 1913 г. их было 257,4, то в 1917 г. — 239,8 (93,2 %), в 1918 г. — 219,0 (85,1 %), достигнув рекордно низкой отметки — 183 дня (71 %) в 1919 г.

Не будет преувеличением сказать, что большевики, следуя доктрине, сознательно разрушали и разрушили экономические основы общества, начав с политики экспроприаций, которая должна была обеспечить обобществление всего общественного производства. Обобществление было проведено с невиданным размахом, о чем в начале 20-х годов писал нарком юстиции Д. И. Курский: «Мы присутствовали при стихийном, ничем не ограниченном процессе реквизиций и конфискации, когда частная собственность фактически совсем отрицалась»²².

¹⁸ Там же. С. 36.

¹⁹ Там же. С. 37.

²⁰ Там же.

²¹ Труды первого Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. — Пг., 1919. С. 380.

²² Курский. 1958. С. 136–137.

Речь шла даже о личной (бытовой) собственности: в период военного коммунизма было практически отменено право наследования (декретом ВЦИК от 27 апреля 1918 г. имущество на сумму не более 10 тыс. рублей могло переходить лишь в «управление и распоряжение»).

Последствия таких действий властей очень быстро проявились на повседневном уровне — восприняв большевистскую риторику буквально, как руководство к действию, народные массы ответили прекращением уплаты налогов и стремлением все получить даром: отказывались платить за жилье и коммунальные услуги, даром ездили на трамваях и по железной дороге, пытались даже брать товары в лавках, не платя за них.

Поэтому «на следующий день» после революции у власти остался единственный и главный источник дохода — печатный станок, что привело к колоссальной инфляции и полному обесцениванию рубля. На территории Российской республики в течение трех лет существовал 2181 денежный знак самого разнообразного происхождения и весьма различной длительности хождения²³. При чрезвычайно низкой в эти годы покупательной способности бумажных денег исчисление заработной платы потеряло всякий смысл.

Поэтому столь значительную роль в бюджете рабочих стало играть так называемое натурпремирование — выдача в счет заработка предметов, производимых данным предприятием. По существу, натурпремирование означало присвоение рабочими результатов своего труда в более или менее легальной форме. Там же, где это было невозможно, например, в железнодорожных мастерских, часть рабочего дня разрешалось работать «на себя». В результате в 1920 г. все железнодорожные мастерские занимались главным образом изготовлением бензиновых зажигалок, кухонной металлической посуды и бытовой утвари.

Предполагалось, что полученные в качестве натурпремирования или натуральных выплат товары рабочий передаст кооперативу для организованного товарообмена, что позволит сохранить более или менее организованный рынок. На деле же рабочие брали на себя обмен и продажу имеющихся товаров либо прибегали к услугам мелких спекулянтов — так называемых «мешочников» (совершенно особое явление первых послереволюционных лет, ранее неизвестное в России), восполнявших в условиях государственной монополии практически исчезнувший рынок товаров, перевозя частные грузы из од-

²³ Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, окраин и образований. Изд. 2-е. — М., 1927.

ного региона в другой. Их породил не только развал рынка и недостаточность продуктов в городах, но и введенный в период военного коммунизма запрет на перевозки по железным дорогам частных грузов, которые могли транспортироваться только в пассажирских вагонах. Среди «мешочников» встречались представители практически всех социальных слоев и групп, многие становились ими поневоле, чтобы поддержать существование собственное и своей семьи, и, как свидетельствовали современники, «мешочники» многих спасли от голодной смерти.

Как показали бюджетные обследования 1918 г., дважды проведенные в столицах, основной статьей расходов рабочих были расходы на питание: у 71,3 % семей в Петрограде и 75,7 % одиноких в Москве, расходы на питание составляли практически три четверти бюджета, совсем немного добавляли продовольственные карточки — порядка 7–10 % потребностей (в разных местах). Иными словами, рабочие бюджеты этих годов можно с полным основанием назвать пищевыми. Само же питание значительно ухудшилось как в качественном, так и в количественном отношении, поскольку многие продукты просто исчезли.

Согласно довоенным данным, русский рабочий потреблял в сутки 4000 ккал, что было совсем не плохо даже по современным меркам (ныне руководства по физиологии указывают величину суточного рациона в 4000–5000 ккал для тяжелого труда). В результате нехватки продуктов питания, вызванной войной, эта цифра к 1917 г. упала до 3445 ккал, а далее процесс шел по нарастающей: осенью 1918 г. — до 2680 ккал, а в 1919 / 20 гг. — до 2600 ккал. Учитывая, что энергетическая ценность суточного рациона нидерландского мануфактурного рабочего в XVII в. составляла 3000 ккал (правда, его материальное положение было одним из лучших в Европе того времени) не выглядят таким уж преувеличением слова Н. Бердяева о «новом средневековье», которым обернулась для России большевистская революция.

Психологические последствия тяжелого продовольственного положения огромны. Медицинские симптомы алиментарной недостаточности позволяют определить психологический фон событий и воссоздать психическое состояние людей. Потребность в пище относится к числу наиважнейших по степени влияния физиологических потребностей. Не случайно говорится, что «голод правит миром». Основное состояние голодного — постоянная тревожность и страх, пороговые ощущения изменены, он значительно легче внушаем и управляем, движимый одним стремлением — поест. (См. статью П. Сорокина «Влияние голода на социально-экономическую организацию общества» в настоящем издании.)

Все это — результат жесткого следования большевистской доктрине, практическая реализация идей которой вела к хозяйственной катастрофе, на грани которой страна оказалась в конце 1920 — начале 1921 гг., усиленной ростом социальной нестабильности: нараставшими и ширившимися антибольшевистскими крестьянскими восстаниями, забастовками и волнениями в городах, очевидным спадом мировой революции и Кронштадским мятежом, поднятым самым, пожалуй, верным союзником большевиков — моряками Балтийского флота. Радио Временного революционного комитета восставших заявляло: «Дело наше правое, мы стоим за власть Советов, а не партий», звучали лозунги свободы торговли, отмены заградотрядов и требования перемены всей политики партии.

Обстановка внутри страны к весне 1921 г. настолько накалилась, что, по воспоминаниям Е. Преображенского, Ленин, собрав в ходе X съезда партии старых большевиков, сказал им: «Мое мнение, что у нас столько один шанс спасти советскую власть из ста». (Накануне съезда Ленин встречался с крестьянами — ходоками, а также с участниками антибольшевистского восстания в Тамбовской области, которых по его просьбе привезли для этого в Москву, правда, в железных клетках.)

Реальность прояснила сознание большевиков. Осознание губительности избранного в соответствии с доктриной пути развития и стало толчком «смены курса» на более реалистический, то есть экономически обусловленный, и привело к нэпу. 24 февраля 1921 г. резолюция X съезда о замене продразверстки продналогом, подготовленная Политбюро, была предложена пленуму ЦК, который ее и утвердил, а затем постановлением ВЦИК от 3 марта 1922 г. была отменена трудовая повинность. Начатки нормализации хозяйственной и социальной жизни, которые стали результатом нэпа, проявились очень быстро в виде явного улучшения положения на селе: уже к июлю был зафиксирован рост — по сравнению с предыдущим годом — посевных площадей, как и заметный спад бандитизма.

3.

Нэповская модель альтернативна по отношению к военно-коммунистической модели: она ориентирована на «органическое», то есть сравнительно свободное развитие хозяйственной деятельности, став, по сути, отказом от утопических принципов организации промышленности и прежде всего уравнительности в оплате труда и восстановлением традиционной формы оплаты, зависевшей от его производительности. В пятую годовщину Октябрьской революции народный

комиссар труда В. Шмидт произнес отходную коммунистическому методу оплаты труда, приведшему к «весьма существенной экономической несурзаце: к превращению труда в социальное обеспечение, при котором терялся всякий материальный стимул к нормальной производительности труда»²⁴. Требование равенства оплаты было официально объявлено мелкобуржуазным предрассудком, трудовая повинность отменялась, и рабочие переводились на «свободный договор найма», что было юридически закреплено в Кодексе законов о труде, принятом в 1922 г. Одновременно начался процесс денатурализации заработной платы: если в 1921 / 22 финансовом году еще продолжались система бесплатного пайкового снабжения предприятий различными продуктами и обязательность для рабочих получения назначенного пайка в счет зарплаты, то в 1922 / 23 финансовом году предприятиям в счет платежей за выполненные государственные заказы предоставлялся только поступающий по продовольственному налогу хлеб.

Эти меры сопровождались и принципиальными изменениями в организации промышленности. Если военный коммунизм можно охарактеризовать как систему, базирующуюся на трех основных принципах — отсутствии хозяйственного расчета, плановой, из центра организации снабжения и производства и распределении продуктов и предметов личного потребления по принципу социального обеспечения, то согласно «Наказу Совета народных комиссаров о проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г. устанавливается ведение хозяйственной жизни «на началах точного хозяйственного расчета», меняется система организации промышленности, для чего создаются тресты — объединения самостоятельно работающих государственных предприятий, вводится плата за государственные и коммунальные хозяйственные услуги, несколько позже запрещается национализация предприятий без соответствующего на то разрешения высших органов управления. В Декрете от 16 сентября 1921 г. выражалась уверенность, что переход от социального пайка к заработной плате «приведет к тому, что вокруг предприятия будет происходить самомобилизация квалифицированной рабочей силы. Мы не будем больше видеть инженеров, занимающих должности старших конюхов, заведывающих продовольственной частью или занимающихся починкой кухонных приборов и горелок; мы не будем видеть также квалифицированных рабочих, занимающихся посадкой картофеля и очисткой выгребных ям»²⁵.

²⁴ Экономическая жизнь. 1922. № 268.

²⁵ Декреты Советской власти. Т. 1. — М., 1962.

С переходом к нэпу большевики пошли на постепенное допущение частной собственности: декретом СНК от 5 июля 1921 г. было предоставлено право аренды товариществам, а также отдельным гражданам государственных промышленных предприятий, принятый через 2 дня — 7 июля — новый декрет устанавливал право каждого гражданина организовывать мелкопромышленное предприятие. Декретом СНК от 17 декабря 1921 г. «О порядке реквизиций и конфискации имущества частных лиц и обществ» экспроприация определялась как исключительная мера, осуществляемая только с санкции высших органов власти. Наконец, декрет ВЦИК от 22 мая 1922 г. возвращал гражданам право собственности: они могли иметь собственные продукты сельского хозяйства и промышленности, жилые строения, а также торговые и промышленные предприятия, организация которых должна подчиняться решениям государственных органов, регулирующих деятельность частника. Практически отмененное в период военного коммунизма право наследования было восстановлено постановлением 1922 г. «О частных имущественных правах», согласно которому допускалось наследование имущества по завещанию, правда, с некоторыми ограничениями на продажу. Было разрешено и использование наемного труда, то есть, следуя марксистской догме, эксплуатация человека человеком: на частном предприятии разрешалось использование 10 наемных рабочих при наличии на нем двигателя и более 20 при отсутствии такового; превышение этих норм допускалось при условии создания концессии.

Все эти законодательные акты давали некоторую свободу как частной инициативе, так и нормальному процессу развития экономики, приведя на первых порах к некоторым успехам, которые, однако, не стали локомотивом кардинальных изменений: продналог не собирался полностью никогда за все годы существования нэпа, то есть до 1928 г., промышленность оказалась неспособна осуществить планировавшуюся структурную перестройку, а торговля развивалась вовсе не по предписанному плану.

Более того, провозглашенные и законодательно зафиксированные свободы частно-экономического предпринимательства просуществовали очень недолго. Логика ускоренной модернизации требовала выбора из лежащих в основе функционирования государственной промышленности в период нэпа двух взаимоисключающих принципов: хозяйственного расчета или государственного плана. Отказ от новой экономической политики означал практическое вытеснение хозяйственного расчета из сферы экономической жизни, безраздельным властителем которой стал план, то есть государственная необходимость.